

4. *Oleary A.* Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of trip to Muscovy and Muscovy in Persia and back] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyah evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal’chik*, 1974. S. 83–84.

5. *Tavern Zh. B.* Shest’ puteshestviy v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let [Six trips to Turkey, Persia and India for forty years] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyah evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal’chik*, 1974. S. 81.

6. *Kula I. M.* Evropeyskie narrativnye istochniki XVII v. o «zhenskom prostranstve» v cul’ture narodov Severnogo Kavkaza [European narrative sources of the 17th century about «women’s space» in the culture of the Northern Caucasus peoples] // *Iz istorii kul’tury narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 6. Stavropol’*, 2014. S. 106.

7. *Stal’ K.* Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic sketch of the Circassian people] // *Kavkaz. Vyp. VIII. Nal’chik*, 2011. S. 119.

8. *Anuchin D.* Ocherk gorskih narodov Pravogo kryla Kavkazskoy liniy [Sketch of mountain peoples of the Caucasian line right wing] // *Kavkaz. Vyp. VIII. Nal’chik*, 2011. S. 195.

9. *Khetagurov K. L.* Osoba [Lady] // *Hetagurov K. L. Sobranie sochineniy v 5 t. T. 4. M.*, 1960. S. 339–340.

10. *Hajiyeva S. Sh.* Sem’ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th and early 20th centuries] *M.*, 1985. S. 170.

11. *Semeynyy obyчай izbeganiya* [The family custom of avoidance]. URL: <http://interkavkaz.info/culture/>

УДК 687 (470.620)

А. В. МАКСИМОВА,
аспирант Краснодарского
государственного
университета
культуры и искусств

Н. А. ГАНГУР,
доктор исторических наук,
профессор Краснодарского
государственного университета
культуры и искусств

**ФАБРИЧНОЕ ШВЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СПРОС
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(На материале Куцёвского района)**

В статье на основе архивных источников рассматривается ассортимент отечественной швейной промышленности в центре и регионе, и динамика потребительского спроса на крестьянские и городские виды одежды в конкретном районе.

Ключевые слова: швейное производство, потребительский спрос, магазин готового платья, крестьянская / городская одежда.

UDK 687 (470.620)

A. V. MAXIMOVA,
post-graduate student
of Krasnodar State University
of Culture and Arts

N. A. GANGUR,
doctor of Historical sciences,
professor of Krasnodar State
University of Culture and Arts.

**FACTORY GARMENT PRODUCTION AND CONSUMER DEMAND
IN SOVIET RUSSIA IN THE LATE 1920’S – EARLY 1930’S:
REGIONAL DIMENSION
(Based on Kushevskaya district)**

On the basis of archival sources considered range of the domestic garment industry in the center and the region, and the dynamics of consumer demand for peasant and urban types of clothing in a particular area.

Key words: clothing industry, consumer demand, store the finished dresses, peasant / urban clothing.

История довоенной советской моды достаточно хорошо изучена в культурологическом ключе, прежде всего, в работах Татьяны Стриженовой [1]. Однако на региональном мате-

риале эта тема практически не рассматривалась. Большинство имеющихся работ по истории костюма и моды преимущественно казачьего населения Кубани охватывает период с конца XVIII века и до 1917 года. Они важны для понимания исторического наследства в области потребления и модной индустрии в регионе в послереволюционный период [2]. Всё более возрастающий интерес к истории потребления в СССР выводит проблематику моды (как части истории потребления) на новый уровень.

Источниковедческую базу данной статьи составили неопубликованные документы государственного архива Краснодарского края, которые впервые вводятся в научный оборот [3]. Это переписка заведующего Кушевским магазином № 204 [Акционерного общества для торговли текстильными изделиями «Текстильторг»] Петруполо с краевой конторой «Текстильторг» в Ростове-на-Дону о подборе товаров для магазина и другим вопросам (1929–1930). Материалы переписки дают представление об основных видах традиционной и городской одежды, отражавшей культурно-национальные особенности населения региона, природно-климатические условия, а также специфику жизни и труда. Население Кушевского района в подавляющем большинстве своём состояло из казаков и крестьян (великорусы, украинцы, частью латыши, немцы), занимавшихся земледелием (хлебопашеством), что и определило приоритеты в выборе тех или иных видов одежды.

В начале 1920-х годов в советской России числилось 279 швейных предприятий разного калибра, для управления которыми были созданы территориальные швейные тресты, крупнейшим из которых стал «Москвошвей». В конце 1920-х этот трест специализировался на пошиве одежды преимущественно из шерстяных тканей фабричным путем, а также ввёл приём индивидуальных заказов на пошив одежды через собственные ателье [4]. В конце 1920-х годов магазины готового платья в Северо-Кавказском крае снабжались частью продукцией центральных («Москвошвей», «Лениградодежда»), но в основном местных трестов (республиканского значения) – «Севкавшвейпром», «Хартекстшвейпром». Материалы переписки филиалов с Северо-Кавказской краевой конторой акционерного общества «Текстильторг» свидетельствуют о том, что продукция «Севкавшвейпрома» не удовлетворяла «требований потребителя как по своему разнообразию», так и по высокой стоимости. «Полученный от Москвошвей конфекцион произвёл большой фурор [в Кушевском р-не], как платьями бумазеевыми, маркизетовыми и блузками маркизетовыми <...> нет надежды на получение их в Севкавшвейпроме, ибо они их не вырабатывают», – констатировал заведующий магазином [5]. Негативные отзывы в адрес «Севкавшвейпрома» поступали и от других магазинов готового платья. В связи с этим правление Северо-Кавказской краевой конторы разослало циркулярное письмо следующего содержания: «Мы ставим магазины в известность, что и во П-м кв., пока, во всяком случае, снабжение их товарами будет проводиться в изделиях Севкавшвейпрома, причём н/контора, как и раньше, разумеется, будет принимать все зависящие от неё меры к получению от Севкавшвейпрома наилучшего по ассортименту товара. Сообщая об этом, мы ещё раз подчёркиваем, со всей решительностью, что указанное выше обстоятельство ни в коей мере и ни в коем случае не должно ослаблять энергии и инициативы н/магазинов, в деле максимального и наиболее быстрого продвижения на рынке изделий Севкавшвейпрома. Наоборот, ответственность и задачи магазина в этом отношении сейчас возрастают. Магазины не должны забывать, что они являются образцовыми и что это налагает на них обязанности проявить максимальную гибкость в своей работе. Проведение магазинами изделий одного Севкавшвейпрома является в некотором роде испытанием их умения привлечь к себе потребителя, и мы несколько не сомневаемся в том, что н/магазины с их, в основном, квалифицированным инициативным аппаратом, безусловно, оправдают возлагаемые на них надежды» [6].

В начале XX века классическим видом мужской одежды становится костюм так называемого английского покроя, состоящий из пиджака, жилета и брюк («тройка»). Однако в сознании рабочей молодежи он ассоциировался с чем-то буржуазным, и в начале 1930-х годов, судя по письмам в «Комсомольскую правду», именовался не иначе, как «чучело-фасон». В это время престижным стало носить «двойку» (пиджак, брюки), считавшуюся «и пристойной, и по-советски демократичной» [7]. Среди населения Кушевского района – крестьян, рабочих

и служащих – костюмы-«двойки» не пользовались особым спросом, что отметил в своём обзоре заведующий магазином Петруполо: «как видно, костюм считается среди них как одежда исключительно праздничная и, судя по нашему сбыту, выяснилось требование к более плотным сортам» [8]. При этом стоимость костюма не должна была превышать 40 рублей.

Базовую часть повседневного костюма составляли брюки «обыкновенного фасона» из сукна (реже трико) тёмно-синего или чёрного цвета, для летнего времени – хлопчатобумажные. Учитывая сезонные колебания спроса в Кущёвском районе, Петруполо просил брюки из разных материй: трико (летние), альпага, коломенки, сукна. Большая часть мужского населения предъявляла спрос на дешёвые (до 4 руб.) хлопчатобумажные костюмы-«двойки» и особенно на так называемые крестьянские брюки без манжет. Широкое хождение в повседневном быту имели также брюки / шаровары на вате – разновидность традиционной тёплой поясной одежды, широко распространённой в казачьем быту на всём протяжении XIX века. В то же время среди крестьянской молодёжи приобрели широкую популярность брюки-«галифе» (*галифэ*) из сукна тёмно-синего и других цветов. Брюки имели особый покрой – расширялись от бёдер к коленям, затем резко сужались и плотно обтягивали ногу до щиколотки [9]. Они были удобны для всадника и носились не только с сапогами, но и с ноговицами, что и обусловило их популярность как у русского, так и горского населения Северного Кавказа. Новая, нетрадиционная форма мужской одежды, возникнув под влиянием актуальных запросов своего времени и выдержав испытание на свою целесообразность и функциональность, сравнительно долго удерживалась в бытовом костюме. В 1950-х годах не только молодёжь, но и пожилые люди были убеждены в том, что галифе – «национальная» форма брюк [10].

Дихотомия «крестьянская / городская» распространяется и на нательную повседневную одежду – сорочку / рубаху. В заявках на 1930–1931 год сорочки указаны в широком ассортименте: высших сортов, крестьянские, народные, казённого образца, гимнастёрки, косоворотки, азиатки, толстовки и пр. Определение «крестьянская» корреспондирует с косовороткой – туникообразной рубахой с разрезом ворота, расположенным на левой стороне груди, и со стоячим воротником. Косоворотку выпускали поверх штанов, перехватывая поясом (ремешок, витой шнур с кисточками на концах). В рассматриваемый период на швейных предприятиях сорочки крестьянские, косоворотки шили из хлопчатобумажных (бумазая, ситец, парусина, сатин / трувиль) и шёлковых (чесуча) тканей разных цветов. В сельском быту долго сохранялась традиция украшения рубахи вышивкой (по подолу, по краям рукавов, по вороту и на груди). Ориентируясь на вкус массового потребителя, предприятия швейной промышленности также делали сорочки, в том числе и косоворотки (из парусины), декорированные вышивкой.

В отдельную группу выделены толстовки и азиатки. Первое название связано с именем Л. Н. Толстого и относится к рубахе / блузе в «народном стиле» – просторной, длинной, иногда на кокетке, с густыми сборками / складками, носившейся, как и косоворотка, навыпуск с пояском. «Толстовка», разнообразная по крою (широкая, на сборках, с воротником-стойкой, застёжкой либо обычная холщовая длинная рубаха), входит в моду со второй половины 1880-х годов [11]. Особую популярность она приобретает в послереволюционные годы, как нельзя более коррелируя с общим демократичным стилем одежды новой эпохи. В конце 1920-х – начале 1930-х годов «толстовки» шили из хлопчатобумажных тканей, а для холодного времени из более плотных: шерсть, сукно, вельвет, шевиот. Практически из тех же тканей на предприятиях «Севкавшвейпрома» делали и «азиатки». По ряду косвенных признаков можно заключить, что речь идёт о так называемой кавказской рубахе – своеобразном гибриде бешмета и рубахи. Определение «азиатская» применительно к одежде народов Северного Кавказа (*азиатского изделия / покроя, азиатской работы*) является общеупотребительным в лексике кубанского казачества второй половины XIX – начала XX века [12].

«Кавказская рубаха» шилась свободной, широкой, с длинными рукавами, высоким стоячим воротником и разрезом посередине в верхней части груди, застёгивающимся на мелкие пуговицы и шнуровые петельки. Рубаху носили навыпуск, подпоясывая узким ремешком с металлическим набором. Для летнего сезона рубаху кроили из сатина, шёлкового полотна,

для холодного – из шерстяных тканей. В последнем случае делали застёжку на пуговицах и прорезных петлях, на груди нашивались карманы. Утеплённый вариант надевался уже на нательную одежду. В 1920–1930-х годах такие рубахи заметно потеснили бешметы традиционного покроя у народов Северного Кавказа. Причём кавказскую рубаху носила с брюками-галифе молодёжь, советские и партийные работники [13]. Предприятия «Севкавшвейпрома» наладили пошив азиаток и толстовок из хлопчатобумажных и шерстяных тканей – трико, шевиота, сукна; стоимость и тех, и других колебалась в пределах 10–15 руб.

Верхняя одежда представлена традиционными и городскими формами – шубами / полшубками, пальто / полупальто. Спросом пользовалось полупальто на вате из суконной (вигонь) либо хлопчатобумажной ткани (молескин). Это объяснялось погодными условиями: Кущёвский район в весеннее и осеннее время отличается сильной распутицей, поэтому удобнее было носить укороченную верхнюю одежду. Значительно реже крестьяне приобретали пальто на вате с меховым воротником и в том случае, если его стоимость не была завышенной. Выбирали плотные ткани типа бобрика, байки, хорошей выработки, грубошёрстные, и только в крайнем случае – тонкое сукно. Особое внимание обращалось на наличие и качество мехового воротника. Демисезонное пальто носили рабочие, служащие, крестьяне, среди последних эта одежда только начинала «прививаться». Покупали в основном пальто, сшитые из разных сортов сукна (бобрик, байка) – грубого, полугрубого и тонкого, преимущественно чёрного цвета и маренго, ценою от 25 руб. до 60 руб.

Дамские пальто пользовались большим спросом, особенно изготовленные из специальных пальтовых тканей, таких как фуле-тропикаль, цветного сукна (тёмно-синего, коричневого, стального, «кофе с молоком»), большей частью «с чёрными приборами из меха крота, под обезьяну». На 1920–1930-е годы приходится пик необычайной популярности меха диких обезьян, для имитации которого нередко использовался мех горного козла. В равной степени это относится и к красивому, бархатистому меху крота, промысел которого приобретает в России массовый характер с начала 1920-х годов. В ходу также пальто из твина либо меланжа с искусственным меховым воротником, «как предмет очень подходящий и доступный всем, как недорого стоящее». В то же время дорогие шевиотовые пальто стоимостью от 60 до 72 руб. не пользовались спросом, но изготовленные из того же материала, по более низкой цене (до 40 руб.) имели «среднюю ходкость». Исключение составили демисезонные дамские пальто. Петруполо срочно затребовал 50 шт. весенних пальто лучшего сорта из светлого фуле-тропикаля на шёлковой подкладке (*родоме*) либо коверкота. Среди казачек и иногородних в конце XIX – начале XX века самым распространённым видом верхней зимней одежды стала кофта на вате (*кохта*) – вид полупальто длиной до колен или чуть ниже, прямого покроя, с широкими полами, без воротника, с длинными узкими рукавами. Принимая во внимание это обстоятельство, Петруполо пишет в правление, что «надо как следует потревожить производственный отдел Севкавшвейпрома, чтобы они выпустили и для крестьянок полупальто на вате, как из бумажного так и из <...> материала разных цветов» [14].

Женский костюм стал отвечать требованиям городской моды уже в конце XIX – начале XX века: юбка с кофтой (блузой) разнообразных фасонов заняли постоянное место в женском гардеробе. Большую популярность приобрели платья (бумазеевые, маркизетовые, сатиновые) и всевозможные блузки. «В настоящее время у нас ничего не осталось, и потребительницы осаждают нас запросами, когда же получите» [15]. В ориентировочной заявке на 1930–1931 год, адресованной в Северо-Кавказскую краевую контору, Петруполо указывает платья шерстяные разных фасонов и цветов, маркизетовые, бумазеевые, сатиновые, вольта и «либерталь»; блузы маркизетовые, юбки «шивет» и цветных тканей, т. е. товар «Москвошвевя», пользовавшийся высоким потребительским спросом.

Ассортимент головных уборов швейных предприятий был не менее широким и в то же время ориентированным как на традиционные, так и модные формы: кепи, фуражки, шапки вязаные, меховые и искусственные – ушанки, малоросски, кубанки, финки и пр. Шапка вязаная (*вязанка*) была распространённым крестьянским головным убором, в котором сочетались чёрная вязаная шерсть (опушка) и ткань (верх). Низкая шапка – кубанка в XX веке пришла на смену высокой казачьей папахе. Она стала элементом праздничного костюма, в

том числе и свадебного, в некоторых станицах даже сватали «по кубанке» [16]. Шапка-малороска представляла собой высокий цилиндрический головной убор из овчины с полукруглым тканевым верхом (типа украинской кучмы). Отдельную группу составляют шапки-ушанки, капелюхи, финки. Шапка с ушами шилась, как правило, невысокой, с короткими наушниками (завязывавшимися наверху или на затылке) и выкроенной вместе с ними прямоугольной задней лопастью; такая же лопасть пришивалась и спереди. Такого рода шапки получили в 1920-х годах широкое распространение в деревнях Европейской России [17]. Аналогичного типа головные уборы бытовали в различных регионах России, в том числе и Кубанской области, под названиями *капелюх*, *капелюха*, *малахай*.

В сельских районах спрос на предметы одежды городского типа был еще незначительным. «Полученный нами ассортимент до 1-го декабря с/г содержит швейных изделий 85% городского типа и 15% для деревни и села. Таким образом удовлетворяется спрос крестьянина всего лишь на 15% , тогда как по фактическому спросу мы намного их недоснабжаем» [18]. Несмотря на расширение и обновление ассортимента на предприятиях швейной промышленности, подавляющая часть сельского населения отдавала предпочтение традиционным типам одежды, хотя в какой-то мере и модность была важна. Дихотомия «крестьянская – городская» по отношению к одним и тем же видам одежды (костюм, пальто, бельё) в номенклатуре товаров прочно удерживает свои позиции. Созданные в ряде населённых пунктов (ст-цы Лабинская, Славянская, Петровская, Усть-Лабинская, Кущёвская) контрольные магазины готового платья изучали рынок сбыта, запросы и вкусы потребителей. В отчетах отмечалось, что «крестьянин-хлебороб начинает привыкать к ношению готового платья как мужского, дамского и детского городского покроя и пошивки». Ситуация менялась медленно, и крестьянский консерватизм в выборе одежды давал о себе знать. Отсутствие либо недостаточное количество крестьянского товара / ассортимента даже в течение короткого отрезка времени приводило к резкому снижению товарооборота, и даже ставило под угрозу срыва работу магазина. «Наплыв покупателей, крестьян-хлеборобов, был огромный в наш магазин, и потому, что у нас нет подбора крестьянского товара, а спрос на него был большой, – мы, к нашему сожалению, торговали наполовину меньше прошлого воскресенья» [19].

Основным производителем крестьянского платья в регионе являлся трест «Севкавшвейпром», продукция которого не отличалась высоким качеством и разнообразием ассортимента, но в то же время была ориентирована на местные традиции и запросы большинства потребителей. Армавирская, Новороссийская, Ростовская, Владикавказская фабрики специализировались на пошиве мужских, дамских суконных и хлопчатобумажных пальто / полупальто, телогреек и шаровар на вате, азиаток, косовороток и других предметов крестьянской одежды. При покупке в магазине готового платья потребитель отдавал предпочтение добротности и носкости вещи, но имела значение и её стоимость. В 1920-е годы широкое распространение получил самопошив, и этот фактор учитывали швейные фабрики, занимавшиеся пошивом добротной и относительно дешёвой одежды. Дорогая мужская одежда городского типа, костюмы классического стиля, «английские» рубахи в сельской среде не пользовались спросом, ввиду узости «социальной ниши». Другое дело, женская мода. Нельзя не признавать, что «в общественном сознании населения 1920–1930-х годов сохранялось патриархальное представление, что мода – явление почти исключительно «женское», и более конкретно – для праздного времяпрепровождения незамужних девушек» [20]. Не удивительно, что полученный магазином от треста «Москвошвей» дамский конфекцион произвел такой фурор в районе. Однако традиционализм в выборе верхней одежды коррелировался с природно-климатическими факторами. Заведующий Кущёвским магазином неоднократно информировал краевую контору о том, что погодный фактор (оттепель, распутица) сильно сказывался на спросе *í ãëî òí ðù ò òí ããðí ã ãí ðí ãñëí ãí ðëí ã*. Принципы практичности, удобства, целесообразности, вкупе с добротностью и носкостью являлись определяющими, хотя эстетические свойства вещи также были важны. Данное обстоятельство корреспондирует с другим наблюдением Петруполо. «Всё-таки главным образом он [крестьянин] предъявляет очень часто требования, что ту одежду, которую он приобретает, чтобы она была пошире и подлиннее, что большей частью покупает себе одежду не точно своего размера – эти явления наблюдаются как со

стороны крестьян, крестьянок и молодежи – этим объясняется, что большие размеры расходятся быстрее, чем маленькие» [21]. Следует заметить, многие виды традиционной казачьей одежды, как например, балахон, шаровары, зипун / свита, халат, кофта на вате, шуба имели свободный широкий крой.

Заметное влияние на изменение потребительского спроса в сторону его уменьшения на все группы готового платья, в том числе и крестьянского, оказали другие факторы: реконструкция сельского хозяйства (сплошная коллективизация). «За короткий промежуток времени спрос на лучшие изделия готового платья усилился как на дамское, так и на мужское, вернее по всем группам (типа городского), а на дешёвые сорта требование предъявляется пока незначительное», – констатировал Петруполо. По его оптимистическим прогнозам «в недалеком будущем спрос будет предъявляться в большинстве на лучшие изделия, т. е. типа городского» [22]. Коллективизация сельского хозяйства сыграла заметную роль в изменении одежды, внедрении новых её форм, готовых изделий швейной промышленности.

Источники и литература

1. *Стриженова Т. К.* Из истории советского костюма. М., 1972.
2. *Гангур Н. А., Шаповалова А. В.* Традиции и мода в костюме кубанского казачества (середина XIX – начало XX века). Краснодар, 2014.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. 193 л.
4. *Журавлев С. В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013. С. 68.
5. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 20, 74.
6. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.
7. *Лебина Н.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2014. С. 115–116.
8. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 19, 34.
9. *Курсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995. С. 73.
10. *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989. С. 235.
11. *Курсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре. С. 276, 278.
12. *Гангур Н. А., Шаранова М. В.* Традиции и мода... С. 78, 80, 96, 105.
13. *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 232.
14. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 34, 155.
15. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 20.
16. *Гангур Н. А., Шаранова М. В.* Традиции и мода ... С. 91.
17. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1999. С. 359.
18. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
19. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 33, 18.
20. *Журавлев С. В., Гронов Ю.* Мода по плану. С. 73.
21. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 33, 34, 55, 56, 89, 117.
22. ГАКК. Ф. Р – 1144. Оп. 1. Д. 5. Л. 158.

References

1. *Strizhenova T. K.* Iz istorii sovetskogo kostyuma [From the history of the Soviet costume] . М., 1972.
2. *Gangur N. A., Sharapova M. V.* Tradicij i moda v kostyume kubanskogo kazachestva (seredina XIX – nachalo XX veka) [Tradition and fashion to suit the Kuban Cossacks]. Krasnodar, 2014.
3. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. R – 1144. Op. 1. D. 5.
4. *Zhuravlev S. V., Gronov Yu.* Moda po planu: istoriya mody' i modelirovaniya odezhdy' v SSSR, 1917 – 1991 [Fashion according to plan: the history of fashion and modeling clothes in the USSR, 1917 – 1991]. М., 2013. S. 68.
5. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 18, 20, 74/
6. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 92.

7. *Lebina N.* Muzhchina i zhenshhina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel' [Man and woman: body, fashion and culture. USSR – thaw]. M., 2014. S. 115 –116.
8. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L.L. 19, 34.
9. *Kirsanova R. M.* Kostyum v russkoj xudozhestvennoj kul'ture 18–pervoj poloviny' 20 vv. (Opyt enciklopediy) [Suit in Russian artistic culture of the first half 18 of the 20th century (Experience encyclopedia)]. M., 1995. S. 73.
10. *Studeneckaya E. N.* Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII – XX vv [Clothing peoples of the North Caucasus. XVIII –XX centuries]. M., 1989. S. 235.
11. *Kirsanova R. M.* Kostyum v russkoj xudozhestvennoj cul'ture. S. 276, 278.
12. *Gangur N. A., Sharapova M. V.* Tradicii i moda... S. 78, 80, 96, 105.
13. *Studeneckaya E. N.* Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. S. 232.
14. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 34, 155.
15. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 18, 20.
16. *Gangur N. A., Sharapova M. V.* Tradicii i moda... S. 91.
17. Russkij tradicionny'j kostyum: illyustrirovannaya e'nciklopediya [Russian traditional costume: An Illustrated Encyclopedia] / avt.-sost. N. Sosnina, I. Shangina. SPb., 1999. S. 359.
18. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 55.
19. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 33, 18.
20. *Zhuravlev S. V., Gronov Yu.* Moda po planu... S. 73.
21. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 33, 34, 55, 56, 89, 117.
22. GAKK. R – 1144. Op. 1. D. 5. L. 158.

